

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД: ИЗ 1960-х В 2020-е И ДАЛЕЕ

М.В. Рац
независимый исследователь,
Б.Г. Слепцов
независимый исследователь

Аннотация: *Статья даёт сжатую характеристику версии деятельностного подхода, разрабатываемой с 1960-х годов в Московском методологическом кружке. Деятельностный подход противопоставляется господствующему сегодня натуралистическому. С первым связаны новые представления об онтологии и об особой организации мышления и деятельности (системах мыследеятельности). Авторы считают, что деятельностный подход призван снять сложившееся в нашем мире противоречие между бурно развивающейся хозяйственной деятельностью и стагнирующей политической практикой. Внимание фокусируется на различении перспектив натуралистического и деятельностного подходов в сфере организации человеческого общежития и формирования соответствующих систем правления (т. е. в сфере полиса).*

Ключевые слова: *Московский методологический кружок, мышление, деятельность, деятельностный подход, натуралистический подход, хозяйственная практика, политическая практика.*

...При определённом переосмыслении деятельностный подход может быть понят не как прошлое, а скорее как настоящее и, может быть, ближайшее будущее философии и когнитивных исследований в мире.

В.А. Лекторский, 2011 г.

...Придёт момент, когда всё станет можно, — можно говорить, предлагать, действовать. И тогда важно одно: что у тебя в голове? Какое у тебя мышление? Что ты предложишь? Заботься сейчас только об этом! И ни о чем другом.

Г.П. Щедровицкий, 1966 г.

Если говорить об интеллектуально-политическом потенциале поколения шестидесятников, необходимо артикулировать один важный сюжет из философии того времени, а именно, разработку, прежде всего в Московском методологическом кружке (ММК), *деятельностного подхода*. Он выделяется среди целого ряда предметов мысли, объединяемых идеей деятельности, таких как понятие деятельности, её теория, онтология, программа разработок в этой области и т. п. [Щедровицкий 2010]. Позднее Г.П. Щедровицкий писал: «...Главный принцип, который реально разделяет нас сейчас в нашей работе, это уже не различия в научно-предметных представлениях, а методологические различия в подходах, которые мы принимаем, организуя свою работу, различия в способах онтологического видения и представления мира, различия в средствах и методах нашей мыслительной работы, оформляемые часто как различия в «логиках» нашего мышления» [Щедровицкий 1995: 143]¹.

Тем не менее, упомянутые различия делаются далеко не всегда, и определяющая роль подхода признается не всеми. При этом о деятельностном подходе говорят не только философы, но также социологи, психологи, педагоги, только все по-разному, а то и вообще о разном. Недаром в Новой философской энциклопедии нет даже словарной статьи о деятельностном подходе, хотя в других статьях он упоминается нередко. Если ещё поинтересоваться, что пишут о деятельностном подходе разные авторы, даже, например, причисляющие себя к одной и той же традиции ММК, то и здесь мы столкнёмся с изрядной разногласием. Однако такое (не столь уж редкое) состояние мысли – не повод обходить молчанием важнейшую тему: скорее она требует особой артикуляции. Мы как прямые ученики Г.П. Щедровицкого с восьмидесятых годов прошлого века заняты приложениями и перспективами деятельностного подхода. Для начала обозначим коротко наш взгляд на них (подробнее см.: Рац и др. 2022).

1.

Деятельностный подход принято противопоставлять натуралистическому, причём с этими двумя подходами связаны разнотипные онтологические представления. Собственно, по-разному в этих подходах трактуется само понятие онтологии. Для начала мы бы сказали, что деятельностный подход в версии ММК можно представлять как рафинированную концепцию антинатурализма. Но при этом нужно иметь в виду, что в чистом виде обе концепции существуют в лучшем случае в головах философов. Подавляющее большинство людей живёт в синкретических представлениях, не заморачиваясь рефлексией и сопоставлением разных подходов.

Натуралисты мыслят свой мир как единый и единственный, предзаданный всем нам Богом или «природой вещей» в некоей определённой законосообразной форме; это мир, объективную картину которого призвана прорабатывать наука. В то же время для нас как сторонников деятельностного подхода мир предстаёт как диптих, объединяющий картины (1) идеального, *должного* (с нашей точки зрения) его состояния, с одной стороны, и (2) сложившегося на сегодня, *сущего*, – с другой. При этом идеалы мыслятся как заведомо недостижимые: они выполняют в нашем движении функцию путеводных звёзд. (Понятно, что идеалы, как представления о мире должного, не следует смешивать с научными идеализациями, имеющими совершенно другое предназначение).

Но самое главное в мире деятельностного подхода – это третье место: для нашей работы и для нас, как мыслящих и действующих субъектов, третье – наряду с местами для должного (в будущем) и сущего (в прошлом) миров. Место, аналога которому в натуралистической картине мира нет, и с которым связано введение категорий «естественного» и «искус-

¹ Время написания работ Г.П. Щедровицкого (не всегда точно известное) часто сильно расходится со временем их публикации, на которое мы по традиции ссылаемся.

ственного» и дальнейшая проработка деятельностных представлений. Соответствующая схема с тремя местами (топами) известна в методологии как схема шага развития (см. рис. 1).

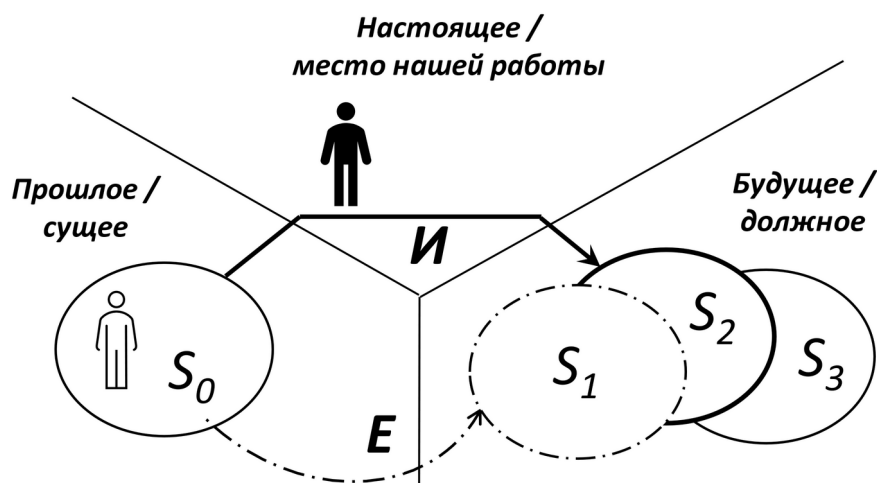

Рис. 1. Схема шага (развития):

Е – прогнозируемая естественная эволюция системы из состояния S_0 в состояние S_1 , которое нас не удовлетворяет; *И* – траектория искусственного (согласно нашему преобразовательному замыслу) перевода системы из S_0 в должное состояние S_2 ; S_3 – некоторое фактическое состояние системы в будущем – результат наших действий с учётом влияния естественных процессов.

В верхнем топе схемы, в рефлексии, мы имеем особое *настоящее время*. Оно настоящее в смысле подлинности: прошлое ушло, будущее ещё не наступило, только здесь и теперь мы можем повлиять на положение дел в мире. Но оно ещё и настоящее *продолженное* (своеобразное Present Continuous), разделяющее прошлое и будущее отрезком ненулевой длительности, чем в корне отличается от привычного «физического» времени. Здесь прорабатываются и представляются картины должного и сущего – исключительно в паре, в сопоставлении друг с другом – посредством челночного движения мысли от первой ко второй и обратно.

Формирующиеся таким образом картины сущего отнюдь не предзаданы нам всем и навсегда, как картина натурального мира. Они зависят от наших идеалов, которые историчны и субъективны, могут быть и бывают очень разными. Какие именно идеалы строятся – отдельный вопрос. Наш ведущий идеал, задаваемый соответствующей схемой [Щедровицкий 1995: 281], – мир мыследеятельности – разрабатывался в ММК на заключительном этапе его истории – в 1980-е гг. Отсюда особая версия деятельностного подхода в ММК как системомыследеятельностного – СМД. Из которого, между прочим, вытекает идеал политической организации общежития и соответствующей организации систем правления, обеспечивающих мирное сосуществование носителей разных идеалов и соучастие всех граждан в решении затрагивающих их интересы вопросов.

Бегло намеченные выше представления о мире и о деятельностных позициях, которые должны занимать субъекты мысли и действия, так или иначе, местами можно усмотреть в работах многих мыслителей – от Платона и Аристотеля до Юма (с его знаменитой «гильотинной») и Маркса (с «Тезисами о Фейербахе» и др.) Но лишь в работах Г.П. Щедровицкого и ММК они последовательно рефлексировались, концептуализируются и получают достаточно артикулированное выражение. При этом утверждается, что натуралистический подход может рассматриваться как частный случай деятельностного. Фигурально выражаясь, если исторически сложившееся положение дел в мире нас устраивает, представления о должном и сущем совпадают, мы превращаемся в принципиальных консерваторов – учёных, а деятельностная

картина мира – в привычную натуралистическую. (В котором, кстати, длительность *настоящего* времени сокращается до нуля).

Теперь можно переходить к продвижению и практическому использованию намеченных представлений именно как двух взаимно дополнительных подходов и картин мира. И это, конечно, забота философов и методологов.

2.

Уточнив, таким образом, о чем идёт речь, мы подходим к главному вопросу: почему мы считаем именно тему подходов наиболее актуальной при обращении к наследию шестидесятников (и не только). Дело в том, что в рамках разных подходов по-разному осмысливается и организуется наша деятельность, причём перспективы обсуждаемых подходов и соответствующих онтологических картин совершенно по-разному раскрываются применительно к хозяйственной и общественно-политической практикам – ойкосу и полису.

Предельно лапидарно, естественно огрубляя картину, можно сказать, что в Новое время в рамках упомянутой синкретической картины мира люди более или менее успешно справляются с хозяйственной деятельностью и со строительством «техногенной цивилизации» (В. Степин). Но в том, что касается организации человеческого общежития, сферы полиса, с нашей точки зрения, положение значительно хуже. Общественно-политические преобразования – дело неизмеримо более сложное, и судьба России в этом смысле достаточно характерна. Разрыв в состоянии дел между сферами ойкоса и полиса мы считаем важнейшей проблемой современности и связываем её с господством синкретического мировоззрения, в котором ведущую роль играют естественнонаучные представления. Полагаем, что деятельностный подход может внести свой вклад в её решение путём «подтягивания отстающей» сферы полиса. Дополним в связи с этим приведённые выше представления о наших двух подходах.

Если говорить о естественнонаучном подходе как рафинированной версии натурализма, основополагающая для него (естественная) наука, science, по понятию призвана исследовать мир таким, каким он нам дан «на самом деле» и нацелена на познание законов природы, инвариантных относительно времени и пространства. Законы Ньютона или теории относительности «управляют» переменами в нашем мире и действуют независимо от места и времени. Чего, между прочим, никак нельзя сказать о деятельности самих учёных, меняющейся в связи с переменами социокультурной ситуации – иногда, как например в случае научных революций, самым коренным образом. Это совершенно противоречит научной картине мира, но по-своему тоже понятно: действия людей (и отнюдь не одних учёных) в отличие от природных процессов преимущественно не законосообразны, а целесообразны. В частности поэтому для сторонников деятельностного подхода мир мышления и деятельности – это иной мир, требующий других методов работы, нежели природный.

Для естественников же на этом месте возникает известная со времён Р. Декарта психофизическая проблема. Традиционная (галилеевская по принципу) наука уже 300 лет решает эту проблему; когнитивистика и сейчас этим занимается, пытаясь найти механизмы взаимодействия психологии и физиологии. В рамках деятельностного подхода вопрос ставится иначе: нас ведь интересует не (по)знание как таковое и не устройство мира «вообще», а вопрос о том, что и как нам делать, чтобы изменить не удовлетворяющее нас положение дел. (Знания об устройстве этого мира для этого необходимы, но играют все же подсобную роль.) А уже упоминавшийся Д. Юм понимал, что ответ на второй вопрос никак не выводится из первого. Выделим здесь условно три шага дискурса и не забудем, что за ними стоят десятилетия коллективной работы, зафиксированные в тысячах авторских листов теста, хранящихся в архиве Г.П. Щедровицкого, из которых опубликована лишь малая часть.

Итак, в рамках деятельностного подхода, во-первых, утверждается, что миры (1) природы и (2) мышления с деятельностью – это два разных мира. «В каждом мире действуют свои основные законы, и, поместив объект... в тот или иной из этих ящиков-миров, я тем самым переношу на этот объект законы этого мира». И границы между этими мирами «выполняют одну функцию, имеют одно назначение: они непроницаемы по идее и по принципу» [Очерки... 2009: 129]. Известен замечательно наглядный пример соотношения двух таких миров – бегущая строка на световом табло (в 1960-е гг. такое было на крыше здания редакции «Известий» на Пушкинской площади). «Строить психологию на основе изучения физиологических процессов так же бессмысленно, как пытаться вывести содержание передаваемой на табло информации из устройства лампочек или законов электричества» [Там же: 27].

Во-вторых, утверждается (после четверти века предельно напряженной работы Щедровицкий говорит об этом жёстко), что «весь так называемый материальный мир есть явление вторичное, есть экскременты деятельности». «...Реальный мир – это мир *деятельности*, а не материала – природного, технического и так далее» [Там же: 194–195, курсив автора]. А натуралистические представления, бывшие передовыми и продуктивными в XVII веке, в XX веке превратились в тормоз развития человечества.

Наконец, в-третьих, наиболее рискованная, как говорил сам Г.П. Щедровицкий, идея: мышление и деятельность сами по себе бессубъектны, хотя они живут, «паразитируют» на человеческом материале. При этом «...есть организация деятельностей и работ – один план, и другая организация – людей, и, в частности, сознания людей – как другой план» [Там же: 196]. Это, в частности, означает, что на схеме шага (см. рис.) и других методологических схемах значки обозначают не людей, а только *позиции*², которые могут занимать (или не занимать) люди, оказывающиеся, таким образом, за рамками СМД-подхода и онтологии. Но это, вопреки бытующим представлениям, отнюдь не обозначает бессубъектности методологии в версии ММК. Здесь можно воспользоваться метафорой: методологические представления, выражаемые в схемах, образуют систему средств интеллектуальной работы, в принципе аналогичную привычному для нас парку «железной» техники или, наверно точнее, системе средств математики. Сами по себе эти средства мертвы, и только их живые носители, в нашем случае пользующиеся ими люди³, как бы одушевляют этот мир и вместе с тем коренным образом расширяют и умножают свои возможности.

Но эта метафора имеет смысл и работает в очень узком диапазоне понимания. Потому что, как средства нашего интеллекта, методологические средства в отличие от компьютеров становятся частью нас самих, изменяют нас и соответственно наш мир. Освоить их, не меняя себя и свой мир, в принципе невозможно, а вернее, они тогда превращаются в чисто технические средства, в опасные игрушки, от которых вреда может быть больше, чем пользы. (Это утверждение – не столько теория, сколько эмпирическая фиксация, подтверждаемая десятилетиями опыта организационно-деятельностных игр и не только их⁴). Дело осложняется ещё и тем, что методологические средства осваиваются только в практической деятельности: чтения книг для этого заведомо недостаточно.

Все эти три пункта надо понимать как относящиеся к идеальному миру мыследеятельности, в котором уже случилась смена подхода и онтологии. А пока «за окном» мы имеем, повторим, общество, в котором господствует синкретическая, преимущественно натуралистическая картина мира, и методологическую работу в верхнем топе схемы шага приходится

² На самом деле в методологии принято другое обозначение позиции, именуемое на жаргоне «морковкой», но его нет в арсенале Microsoft Office.

³ Как говорят коллеги-методологи, люди «входят в эти схемы» или «надевают их на себя», и принципиально важно, что делается это только и исключительно в результате самоопределения.

⁴ Именно случаи использования методологических средств для целей, предельно далёких от идеалов СМД-методологии, привлекают внимание журналистов, как это произошло, например, с нашумевшей статьёй Т. Сергеева о СВО. Отсюда же и досужие домыслы об особой роли методологов во власти.

нацеливать на историческую перспективу продвижения нового подхода и картины мира. (Разумеется, исключительно через посредство мышления и коммуникации с инакомыслящими). Надо полагать, что, как и прежде, когда на смену (или в дополнение) теологической картины мира приходила научная, процесс этот будет длительным, и деятельностная картина мира не сменит естественнонаучную, а лишь дополнит распространённую ныне пару до триады [Щедровицкий 2011].

3.

Но мы отвлеклись от главного вопроса: чем определяется актуальность, можно сказать, жизненная важность темы подходов для современного мира? Первый намеченный выше ответ – разницей их перспектив применительно к хозяйственной и общественно-политической практикам, ойкосу и полису – явно недостаточен. Для осмысленного планирования действий, их результатов и выработки хотя бы самых общих представлений о возможных последствиях надо понимать, какими именно особенностями мышления и деятельности в этих сферах обусловлено такое различие.

Здесь полезно вспомнить, что говорил о хозяйственной деятельности основоположник австрийской экономической школы К. Менгер: «Под хозяйством мы понимаем предусмотрительную деятельность, направленную на покрытие нашей потребности в *вещах*». При этом «исходным пунктом всякого хозяйства являются *вещи*, непосредственно находящиеся в распоряжении хозяйствующих субъектов» и т. д. [Менгер 2005: 474; курсив наш – М.Р., Б.С.]. Совсем иначе обстоит дело в сфере полиса, где деятельность действующих субъектов направлена на содействие либо, наоборот, препятствование действиям других. Если в основе хозяйства лежит работа с косным материалом, в сфере полиса работать приходится с так называемыми «социотехническими связками», включающими наряду с нашей и другие системы деятельности. Они являются «исходным пунктом» политики, управления, нормирования. Г.П. Щедровицкий [Щедровицкий 2000: 38, 42, 47 и др.] обозначил этот феномен как «деятельность над деятельностью».

Но если объекты ойкоса и полиса категориально разные, то разными должны были бы быть и методы работы с ними. За этой кажущейся банальностью и зарыта собака, потому что мало вспомнить расхожую метафору насчёт работы гончара с глиной, очевидно неприменимую к работе с людьми и обществом. Здесь подойдёт другая метафора, не менее известная: «Открылась бездна, звёзд полна, звездам числа нет, бездне – дна». Ибо в свете сказанного требуется полный пересмотр повсеместно используемых ныне методов и средств «деятельности над деятельностью», исторически сложившихся при господстве естественнонаучных представлений. Г.П. Щедровицкий многократно обсуждал (в том числе и в работах, на которые мы уже ссылались) эту нашу современную ситуацию, уподобляя её галилеевской: нам ведь приходится строить принципиально новую *неестественную* науку о мышлении и деятельности, учитывающую их телеологический, а не каузальный, как в привычном естествознании, характер. Ревизии подлежит и методология хозяйствования: с нашей точки зрения, концепция разделения труда П.Г. Щедровицкого [Щедровицкий 2018 и др.], разрабатываемая в рамках деятельностного подхода, лучше других объясняет историю сферы хозяйственной деятельности в течение Нового времени и намечает её ближайшие перспективы.

На наш взгляд, главное, что было сделано в ММК (и одинаково важно для любых приложений), – это разработка программной организации мышления и деятельности [Щедровицкий 1999]. Которая, надо полагать, станет определяющей на ближайшую историческую эпоху, потеснив пока играющую эту роль исследовательскую и предшествующую ей проектную. В нашей деятельности программирование логически и хронологически предшествует привычным для нас формам проектирования и планирования при проработке и реализации замыслов любого рода и объёмлет их. Проекты как бы отпочковываются от действующих

программ. Особенно важно, что, как выясняется, именно программная организация может обеспечить работу с идеалами, движение к ним, соответствующее содержанию самих идеалов (в отличие от таких способов действия, как строительство коммунизма посредством диктатуры – тогда уже безразлично: пролетариата или партийной номенклатуры).

Во всех этих начинаниях на первый план выходит хорошо известная инженерам идея «левого сдвига» – перенос усилий и ресурсов с непосредственного осуществления задумываемых преобразований на проработку замыслов. Так что речь приходится вести не об очередных общественно-политических преобразованиях, а о переосмыслении самой преобразовательной деятельности (над другими системами деятельности), начиная с наших представлений о политике, управлении и власти. И совершенно логичной, даже необходимой оказывается концепция *мыследеятельности*, совсем иначе, чем это виделось в 1960-е гг., представляющая соотношение мышления и действия, а заодно и других интеллектуальных функций – посредством коммуникации [Щедровицкий 1995: 281].

Эта линия мысли кажется жизненно важной для современного мира, а вопрос о подходах никак нельзя обойти, обсуждая наследие наших философов – шестидесятников.

Менгер К. 2005. *Избранные работы*. – М.: ИД «Территория будущего». – 496 с.

Очерки... 2009. *Очерки истории становления СМД-методологии: конспекты лекций Г.П. Щедровицкого в МИСИ (1987–1988)*. – М.: Наследие ММК. – 198 с.

Рац М., Котельников С., Слепцов Б. 2022. *Управление против власти. Как реализуются замыслы*. – М.: ИД ЯСК. – 584 с.

Щедровицкий Г.П. 1995. *Избранные труды*. – М.: Школа Культурной Политики. – 800 с.

Щедровицкий Г.П. 1999. *Программирование научных исследований и разработок / Из архива Г.П. Щедровицкого, Т. 1*. – М.: Путь. – 288 с.

Щедровицкий Г.П. 2000. *Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций). Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 4. ОРУ (1)*. – М.: Путь. – 380 с.

Щедровицкий Г.П. 2010. *Идея деятельности и деятельностный подход. – Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий*. – М.: РОССПЭН. – 598 с.

Щедровицкий П.Г. 2011. *Петр Щедровицкий – Дмитрий Мацнев. От онтологии Космоса к онтологии деятельности*. – Альманах «Русский мир и Латвия», 2011. – Доступно: http://www.intelros.ru/pdf/rus_mir_i_lat/2011/25/04.pdf. – Проверено: 23.03.2023.

Щедровицкий П.Г. 2018. *Три индустриализации России*. – М.: TerraFantastica. – 152 с.